

этнических меньшинств в контексте интеграции культуры и туризма) / 耀源杨 (Яюань Ян) // 社会科学家 (Социолог). – 2021. – № 4. – 第64–69页 (С. 64–69).

3. 徐艳红 (Сюй Яньхун). 赫哲族文化旅游可持续发展研究 (Исследование устойчивого развития культурного туризма в Хэчжэ) / 艳红徐 (Яньхун Сюй) // 边疆经济与文化 (Экономика и культура приграничья). – 2022. – № 5. – 第55–57页 (С. 55–57).

4. 梁辉 (Лянь Хуэй). 蒙古族文化旅游可持续发展对策研究 (Исследование мер по устойчивому развитию монгольского культурного туризма) / 辉梁 (Хуэй Лянь) // 文化创新比较研究 (Сравнительное исследование культурных инноваций). – 2021. – № 2. – 第163–165页 (С. 163–165).

Конфуцианские традиции в формировании дипломатической службы КНР

*Гиль Д. Д., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Чувилов И. А., канд. полит. наук, доц.*

Зарождение обретения дипломатией КНР своего регламентированного правового политического базиса в рамках международных отношений, безусловно, связано с идеологической, идейной составляющей «конфуцианских традиций». В конфуцианстве «сплелись воедино» понятийные структуры единения «государства» и «нации». Популяризация и активная интеграция концептуальных основ конфуцианства связаны с хронологическими рамками функционирования династии Хань. В период нахождения у власти династии Хань возник запрос и целеполагание на реконструкцию и трансформацию социальной структуры общества [1, с. 19].

Идеологическая основа нынешних «пяти принципов» внешнеполитического дискурса КНР также берет начало в системе «конфуцианских традиций». Все истоки нынешних совершенствований и трансформаций актуальной модели поведенческой стратегии КНР на «мировом олимпе» уходят корнями в глубь истории, в сменяющиеся эпохи враждующих царств, в существование своей замкнутой системы межгосударственных отношений. Это пример своеобразного полигона практики наиболее эффективных приемов внешнеполитической деятельности, закладывавшей уникальную школу китайской дипломатии. Посредством данной градации явлений дипломатическая история КНР пришла к приобретению некоторых свойственных себе методологических черт: способности стратегического мышления, фаталистической неотвратимости предопределяющего решения в более благоприятной исторической перспективе вопросов, которые другим акторам международных отношений представляются уже лишенными актуальности и стратегической ценности [2, с. 11].

Уникальная и неотъемлемая характеристика дипломатии КНР – сбалансированность и практическая реализация своей уникальной тактики «системы сдержек и противовесов». Историческими источниками этой части китайской дипломатии являются каноны древнекитайской философии, специализированные трактаты по дипломатическому и военному искусству, собственно, исторический опыт Срединного государства. «Конфуцианская система ценностей» всегда предполагала под собой интеграцию идеологии «гармонии в обществе», нежели манипулятивных методик и моделей правления. Конфуцианство никогда не предполагало кратчайшего пути к экономическому благосостоянию, но в противопоставлении конфуцианству догмы сменяющихся династий исторически помещали КНР в пропасть политического коллапса и войны [3, с. 20].

Первоначальную документационную фиксацию идейная составляющая конфуцианства отразила в сборнике «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), или «Аналекты Конфуция»; исследователи трактуют данные своды на ранних исторических стадиях становления дипломатии КНР в качестве некой конституции. Эпохальному политическому хаосу тех хронологических рамок Конфуций противопоставил понятие «Дао» (путь) справедливого и гармоничного общества, существовавшего, как он учил, когда-то в прошлом – в далеком «золотом веке» Китая. Конфуцианство проповедовало кредо об иерархической структуре общества. На вершине пирамиды китайского миропорядка стоял император. Он объединял в себе как духовное, так и мирское начало общественного порядка. Китайский император был фигурой политического правителя, возведенной в абсолют. По своей политической роли император воспринимался как высший властелин человечества – император рода человеческого, стоящий вверху мировой политической вертикали, отражавшей конфуцианскую иерархическую структуру общества в Китае. Китайский протокол требовал принятия его верховенства путем «коу-тоу» – акта падения ниц, когда бьют лбом об пол трижды при каждом падении [4, с. 5].

До ключевого события – объединения Китая в 221 г. до н. э. – на протяжении тысячи лет сохранялось правление разных династий, постепенно распадавшихся на феодальные образования, варьируясь от автономии до независимого государства. Кульминацией стала длившаяся два с половиной века сумятица, которую в истории назвали эпохой Воюющих государств (475–221 гг. до н. э.). Китай после 221 г. до н. э. сохранял идеальную империю и единство, но затем наступил период раскола, потом снова объединения – и все это в циклах, длившихся подчас сотни лет. Когда государство переживало раскол, между различными частями велись жестокие войны. Мао Цзэдун однажды привел в качестве примера тот факт, что во время периода так называемого Троецарствия (220–80 гг. до н. э.) население Китая сократилось с 50 миллионов до 10 миллионов [5, с. 12].

Ареал распространения китайской культуры на своем апогее превышал размеры любого самого крупного европейского государства, а на деле равнялся размерам всей континентальной Европы. Китайский язык и культура, а также политическая власть и юрисдикция императора распространялись на весь масштаб известных территориальных единиц: от севера на юг, от восточного побережья с его каналами до пустынь Центральной Азии и границ на пиках Гималаев. Фактор масштабности, многообразия территориальной системы и ресурсный фактор подтверждали изречение о том, что Китай фактически являлся миром в себе. Так подкреплялась идея об императоре как о личности вселенского масштаба, восседающем в «Тянься» – в Поднебесной [5, с. 13].

Литература

1. Сунь Ятсен. Избранные произведения / Ятсен Сунь. – М. : Наука. – 1985. – 781 с.
2. Lund, M. S. Concept, tools and targets. Preventing violent conflicts. A strategy for preventive diplomacy / Lund M. S. – Washington, DC : United States University of Peace Press, 2001. – 31–49 p.
3. Цзэдун Мао. Маленькая красная книжица / Мао Цзэдун. – Пекин : Алгоритм, 2020. – 448 с.
4. Колосков, Б. Т. Внешняя политика Китая 1969–1976 гг. / Б. Т. Колосков. – М. : Институт Дальнего Востока АН СССР. – 1978. – 56 с.
5. Се Исянь. Мировая расстановка сил и концепция «би» и «мультиполярности» / Исянь Се // Шицзе чжиши. – 1987. – № 19. – С. 80–89.

Политические технологии в эпоху цифровизации

*Коржиков А. В., магистрант БГУ,
науч. рук. проф. Кечина Е. А., д-р соц. наук, проф.*

Одними из ключевых факторов, определяющих направления исторического развития человечества, являются формирование и внедрение технологий в различные сферы социальной жизни. Современную политику трудно представить без использования технологий, которые так или иначе применяются большинством государств для реализации различных задач. Политические технологии, или политтехнологии, определяются как система целенаправленных, последовательных, заведомо эффективных действий, рассчитанных на достижение необходимого (заданного) политического результата [1]. С их помощью создается имидж политических деятелей, осуществляется управление лояльностью населения политическому режиму, оказывается влияние на общественное мнение и т. д.